

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда №102

Ноябрь 2007

Амер против Бельгии [Hamer v. Belgium] (жалоба № 21861/03)

Постановление от 27.11.2007 [Третья Секция]

Статья 6

Уголовный процесс

Пункт 1 статьи 6

Обвинение в совершении уголовного деяния

Разбирательство, результатом которого стал снос самовольной постройки: *статья 6 применима*

Статья 1 Протокола № 1

Пункт 1 статьи Протокола № 1

Имущество

Снос загородного дома через несколько десятилетий после выявления факта его самовольной постройки: *статья 1 Протокола № 1 применима*

Пункт 2 статьи 2 Протокола № 1

Контроль за использованием собственности

Решение о сносе загородного дома, построенного в лесной зоне, где действовал запрет строительства: *нарушение не установлено*

Обстоятельства дела: В 1967 г. родители заявительницы построили дом для отдыха на участке земли, не имея на то разрешения. Данное строение было ясно указано в соглашении о разделе имущества между заявительницей и ее отцом, которое было оформлено со взиманием соответствующей пошлины

после смерти ее матери. Когда умер ее отец, нотариальный акт о разделе имущества также ясно упоминал этот дом, а заявительница уплатила соответствующий налог на наследство. Она ежегодно уплачивала авансовый налог на недвижимость, а также налог на имущество, которым облагался второй дом. Водопроводная компания с государственным участием присоединила дом к сети без какой-либо реакции со стороны властей. Только в 1994 г. полиция составила рапорты о вырубке деревьев на участке в нарушение лесного законодательства и о самовольном возведении дома в лесной зоне, не подлежащей застройке. В 1999 г. заявительница была вызвана в прокуратуру в связи с владением домом, построенным без разрешения, и вырубкой примерно 50 сосен в нарушение Указа об охране леса. Суд по уголовным делам оправдал заявительницу. Прокуратура подала жалобу, на основании которой апелляционный суд оставил оправдательный приговор в части вырубки леса в силе. Однако признал заявительницу виновной во владении самовольной постройкой в соответствии с Указом об организации регионального развития. Отметив, что разбирательство продолжалось дольше разумного срока, апелляционный суд ограничился фактом установления вины заявительницы и предписал ей вернуть участок в первоначальное состояние, что означало снос дома. Заявительница подала кассационную жалобу, которая оказалась безрезультатной. Кассационный суд посчитал обязанность вернуть участок в первоначальное состояние не наказанием, а мерой гражданско-правового характера. Снос дома был произведен на основании исполнительного листа.

Право: Пункт 1 статьи 6 (разумный срок) – Тот факт, что апелляционный суд ограничился формальным признанием заявительницы виновной ввиду чрезмерной продолжительности разбирательства, не лишает ее статуса «жертвы» нарушения Конвенции, поскольку в то же время суд приказал ей вернуть участок в первоначальное состояние.

Статья 6 подлежит применению в ее уголовно-правовом аспекте, поскольку для целей Конвенции снос дома может рассматриваться как «наказание».

Хотя сроки разбирательства дела по существу не представляются затянутыми (чуть дольше трех с половиной лет в судах трех инстанций), заявительница являлась «обвиняемой» в значении, установленном прецедентной практикой Суда, с момента составления полицейского рапорта о незаконном строительстве. С этого момента и началось течение процессуального срока. Таким образом, разбирательство продолжалось от восьми до девяти лет в трех инстанциях, включая пять лет расследования, хотя дело не являлось особенно сложным.

Вывод: нарушение (единогласно).

Статья 1 Протокола № 1 – Спорное строение просуществовало двадцать семь лет до того, как власти обнаружили правонарушение. Установление нарушений законодательства о застройке и изыскание необходимых для этого ресурсов, безусловно, являлось обязанностью властей. Более того, Суд пришел к выводу, что власти были осведомлены о существовании спорной постройки, поскольку уплачивались соответствующие налоги. Таким образом, власти допускали указанную ситуацию в течение двадцати семи лет, а после установления факта правонарушения еще десять лет не следовало никаких изменений. Учитывая продолжительность этого периода, имущественный интерес заявительницы в использовании дома для отдыха был достаточно значительным и устоявшимся для того, чтобы представлять собой материальный интерес и, следовательно, «имущество», и заявительница имела «правомерное ожидание», что она будет продолжать пользоваться

своим имуществом. Вмешательство в право заявительницы пользование имуществом, ставшее следствием сноса ее дома по предписанию властей, было предусмотрено законом и преследовало цель по осуществлению контроля над использованием имущества в соответствии с общественными интересами посредством приведения его в соответствие с планом землепользования, установившим лесную зону, на территории которой строительство не допускалось.

Что касается соразмерности вмешательства, то Суд подчеркнул, что окружающая природная среда представляет собой ценность, и экономические соображения и даже некоторые основополагающие права, как, например, право собственности, не должны превалировать над требованиями по охране природы, особенно если государством было принято соответствующее законодательство по этому вопросу. Власти были обязаны предпринять необходимые шаги в надлежащий срок для того, чтобы меры по охране окружающей среды, которые они приняли решение реализовывать, не потеряли эффективность. Таким образом, ограничения имущественных прав являлись оправданными при условии, разумеется, достижения рационального равновесия между затронутыми индивидуальными и общественными интересами.

Оспариваемая мера преследовала правомерную цель по охране лесной зоны, где строительство было запрещено. Владельцы спорного дома пользовались им беспрепятственно в общей сложности тридцать семь лет. Официальные документы, уплата налогов и выполнение работ свидетельствовали о том, что власти знали или должны были знать о существовании дома в течение длительного времени. Однако установив факт правонарушения, они допустили, чтобы прошло еще пять лет до привлечения ответственности, что способствовало продлению ситуации, которая причиняла ущерб лесной зоне, защищаемой законом.

Однако в бельгийском законодательстве отсутствовали положения, позволяющие урегулировать отношения, связанные с возведением постройки в такой лесной зоне. К данному правонарушению не применялись установленные бельгийским правом сроки давности, и власти могли в любой момент привести закон в исполнение. Какие-либо меры, помимо приведения участка в первоначальное состояние, были неприемлемы с учетом бесспорного нарушения неприкосновенности лесной зоны, где было запрещено строительство. Кроме того, в отличие от дел, где присутствовало неявное согласие властей, этот дом был построен без какого-либо официального разрешения. В свете изложенного, вмешательство властей в право заявительницы не являлось несоразмерным.

Вывод: нарушение не установлено (единогласно).

Статья 41 – 5000 евро в качестве компенсации за причиненный моральный вред.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение

настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования какой-либо части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int.